

что осуществляемые в России реформы больше всего ударили именно по ней, а также тем, что в стране на протяжении последних лет отсутствует какая-либо осмысленная политика в отношении молодежи как самостоятельной социально-демографической группы. В результате — тотальное отчуждение молодежи от власти, способное в любой момент перерасти в активное её неприятие. Сама молодежь считает, что её права необходимо защищать специальными Законами.

Другая точка зрения объясняет апатию молодежи с других позиций. Несмотря на имеющиеся издержки переходного периода, именно молодежь наиболее органично вписалась в новые условия жизнедеятельности, приняла новые "правила игры", и её неучастие в политике связано, главным образом, с тем, что она, с одной стороны, не видит необходимости что-либо кардинально менять в сложившемся укладе жизни, а с другой — не рассматривает политическую деятельность в качестве значимой для себя, находя более перспективные способы и сферы самоутверждения и личной самореализации. Отсюда и недоверие власти.

В любом случае констатируем, что проблема существует реально и мы еще далеки от понимания последствий ее существования. Именно поэтому, исследования политических предпочтений молодежи несомненно будут продолжаться на разных уровнях и с применением широкого исследовательского инструментария.

Абрамов В. А., Чащин В.В.

Читинский государственный университет

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РФ И КНР В АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Российская и зарубежная политическая мысль выработала ряд общих подходов к определению базовых понятий и операционных моделей международной безопасности. В них показывается как изменение международной среды обуславливает новые глобальные угрозы и поиск адекватных форм безопасности. Угроза — наиболее конкретная и непосредственная форма опасности и совокупности условий и факторов, ставящих под удар интересы граждан, общества и государства, национальные интересы, их ценности и образ жизни. Одной из таких возрастающих угроз международной (глобальной, региональной) безопасности является терроризм.

Террористический интернационал практически превратился в реальную угрозу нормальному развитию международных отношений, безопасности стран и регионов. Поэтому ни одно государство не может позволить себе

игнорировать эту проблему или всерьез рассчитывать на ее решение только своими силами.

Россия придает особое значение развитию международного сотрудничества в борьбе с этим злом. Позиция России к этому вопросу, неоднократно излагавшаяся в выступлениях и заявлениях руководителей страны, заключается в необходимости скоординированных действий всего мирового сообщества в глобальном, региональном и национальном уровнях. Это было подчеркнуто и в выступлении Президента России В. В. Путина. Обращаясь к международному сообществу на Саммите тысячелетия, он охарактеризовал терроризм « как общего врага свободных наций » и определил в качестве общей задачи — « поставить надежный барьер этому злу ».

Международный терроризм — явление весьма многоплановое. Оно содержит проблемные политические, правовые, психологические, философские, исторические, технологические и иные аспекты. Не случайно международному сообществу так и не удалось выработать общеприемлемое юридическое определение международного терроризма, хотя сущностное наполнение этого явления для всех становится все более понятным,

В связи с тем, что до сих пор не решена проблема определения универсальной дефиниции терроризма, перспективным представляется подход, при котором многие исследователи и специалисты стремятся определить международный терроризм как комплексный, системный многоаспектный социально-правовой феномен через набор его обязательных сущностных элементов.

Дело в том, что в плане юридических оценок международного терроризма уже обозначился определенный прогресс — идентификация терроризма через совокупность криминализированных деяний, отнесенных к террористическим проявлениям (или преступлениям террористического характера). Не имея возможности представить универсальную дефиницию международного терроризма, законодатели различных стран определили для него уголовно-правовую нишу, в которые помещают международные формы террористических проявлений. Именно такой подход возобладал в международном праве.

Государствами принят целый ряд антитеррористических конвенций. Каждая из них посвящена тому или иному виду международной террористической деятельности. Эта деятельность выделяется и квалифицируется исходя или из объекта посягательства (токийская конвенция 1963 г., гагская конвенция 1970 г., монреальская конвенция 1971 г., направленные на борьбу с террористическими преступлениями на воздушном транспорте, или нью-йоркская Конвенция 1973 г. о

предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой); или формы террористической акции (нью-йоркская конвенция 1979 г. о борьбе с захватом заложников); или специфики используемых террористами средств (венская конвенция 1980 г. о защите ядерного материала, монреальская конвенция 1991 г. о маркировке пластических или взрывчатых веществ, Конвенция 1997 г. о борьбе с «бомбовым терроризмом»); или других форм террористической деятельности и признаков антитеррористических преступлений.

Для России важное значение имеет Европейская конвенция по борьбе с терроризмом, принятая в Страсбурге 27 января 1977 г. В ее первой статье терроризм также раскрывается через совокупность правонарушений, заимствованных из конкретных «видовых» антитеррористических конвенций. По такому же алгоритму терроризм определяется и в большинстве национальных уголовных законодательств, где чаще всего нет единой статьи «терроризм», но до 2 — 3 десятков общеуголовных преступлений насильственного характера относятся к террористическим при наличии определенных квалифицирующих признаков.

Попытки юристов сформулировать, сконструировать некое умозрительное унифицированное преступление «терроризм» до сих пор нельзя признать удачным. Пример тому — известная статья 205 УК РФ, где терроризм определяется как «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершаются в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях». Не случайно В. Е. Петрищев, известный российский специалист в этой области указывает на правильность другого ее названия: «акция терроризма». Но и в этом случае она не будет охватывать всю совокупность террористических преступлений, что и доказано наличием в уголовном законе ряда других «террористических» статей (например, 206, 207, 211, 277, 360).

Завершая краткий анализ узко правовой оценки терроризма, перейдем к его более широкому восприятию как социально-политического явления, представляющего сложные проблемы межкультурного сотрудничества в борьбе с ним. Международный терроризм в этом случае представляют и как угрозу национальной безопасности, и как совокупность террористических организаций, и как террористическую деятельность, и как элемент организованной преступности, и как экстремистскую идеологическую концепцию.

Все эти сущностные характеристики международного терроризма имеют право на существование. Но при поиске путей международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом следует осознавать то обстоятельство, что различные государства по-разному оценивают конкретные направления и проявления международного терроризма через призму своих собственных интересов, включая геополитические устремления и глобальные приоритеты в области поддержания международных отношений. Поэтому и существует проблема международного сотрудничества, интерпретируемая как: « У каждого государства свой террорист ».

Для налаживания международного сотрудничества в борьбе с терроризмом необходимо сформировать всеми взаимодействующими сторонами объективное и единообразное восприятие сущности и содержания терроризма. Учитывая, что сформулировать эту универсальную дефиницию пока не удастся, то позитивным выглядит представление терроризма, особенно международного, через составляющие его элементы. Однако и такой системный подход не всегда приносит успех. Например, среди российских исследователей распространено представление о международном терроризме как о триаде террористической идеологии, террористических структурах и пространственной террористической деятельности. Но сущностные характеристики этой деятельности в значительной степени зависят от политической позиции исследователя, а это вновь приводит к расхождениям в представлениях о международном терроризме.

Можно ли признать позитивными предпринимаемые исследователями усилия выделить в международном терроризме те его элементы, которые были бы, с одной стороны, внутренне присущи и обязательны, а с другой — нейтральны с точки зрения любых политических оценок? Ответ на этот сложный мировоззренческий вопрос заложен в определенном опыте идентификации международного терроризма. Подобные исследования уже проводили отечественные исследователи Ю. И. Авдеев, В. Е. Петрищев, В. В. Устинов, В. В. Витюк, С. А. Эфиров, М. П. Требин и др.

Рассмотрение международного терроризма как деструктивного социально-политического явления, — считает В. Е. Петрищев, - необходимо если: 1) осуществляется систематическое социально или политически мотивированное, идеологически обоснованное применение насилия либо угроз его использования; 2) достижение цели двухэтапно, при этом через устрашение осуществляется управление поведением людей в выгодном для террористов направлении; 3) наличествует объект непосредственного воздействия (люди или материальные объекты) и объект

управления (заранее определенные социальные группы или слои, представители органов власти); 4) применяемое для достижения цели насилие не легитимно.

Выделение и квалификация этой деятельности позволяет сформулировать единообразное восприятие и определение статуса международного терроризма в контексте его возрастающей угрозы национальной безопасности РФ и КНР:

1) международный терроризм представляет собой способ, метод и норму деструктивных социально-политических изменений разновекторного характера в построении нового мирового порядка и достижения глобальных геополитических целей;

2) социально-политические основы международного терроризма представляют элементы либо часть системы негосударственных конфликтов, выражающих скрытую геополитическую суть межгосударственных отношений, « силовую » политику ведущих государств, ТНК, олигархических структур — новых акторов глобализирующейся системы международных отношений;

3) объектами латентного воздействия международного терроризма являются социальная структура и институциональная система государства, его экономические, социокультурные и психологические элементы с целью радикального их изменения и смены режима власти;

4) трансформация международного терроризма, изменяя его деструктивный потенциал, усиливает необходимость совершенствования организации борьбы с ним на внутригосударственном, региональном и глобальном уровнях [1].

Международный терроризм возник в новых условиях формирования современных видов реальности — глобализации и регионализации. Эти две категории составляют единую методологическую базу познания любой ситуационной картины. Чтобы понять содержание и новую природу этих основополагающих категорий в увязке с безопасностью и ее основной угрозой — международным терроризмом, необходимо иметь в виду следующее.

Глобальность нашла свое отражение во всех сферах международной общественной жизни — политической, социальной, военно-политической, культурной и т. д. В этом смысле мир стал восприниматься как глобальный. В самом общем виде глобализация — процесс возрастающего воздействия различных факторов формирующегося международного порядка на социальную, экономическую, политическую, культурную и т. д. организацию стран мира, обусловившего их специфическую тенденцию

обеспечения национальных интересов и безопасности - стремления к глобальной регионализации.

Происходящее усложнение мировых процессов и дезинтеграцию международных отношений исследователи связывают со «стремлением к доминированию определённых геополитических ценностей и сил» [3].

Подтверждением тому служит создание «Международного фронта джихад». Еще в апреле 1998 г. экстремистскими религиозными кругами ряда исламских стран (Саудовской Аравии, Пакистана, Египта, Судана, Афганистана и других) образован «Международный фронт джихада» (МФД). Международным пространством его деятельности стали многие государства Азии, Африки, Европы, Россия и Китай, «Духовным» лидером МФД является известный миллиардер и объявленный ЦРУ «террористом номер один современности» Усама Бен Ладен.

Геополитической целью МФД как противостояния процессу глобализации является расширение сферы господства «подлинного ислама». В частности — образование теократических исламских государств на территории Турции, Ирана, Чечни, Дагестана, Азербайджана, ряда республик Поволжья, Туркмении, Таджикистана, Киргизии и Китая. Предусматривалось создание зависимых от него анклавов в других частях света — на Филиппинах, в Кашмире, Косово, ряде регионов Африки.

Идея эта не нова. Она высказывалась еще в XIX в. и встречала определенное понимание и поддержку со стороны некоторых государств. Однако за этой религиозно-пропагандистской завесой скрывается реальный экономический и политический национальный интерес — установление контроля над регионами, богатыми углеводородными энергоносителями, которые станут стеновым хребтом глобальной экономики XXI в.

Подобная геополитическая стратегия является своеобразным ответом глобализирующейся периферии на известную концепцию стран «золотого миллиарда», откровенно пропагандирующую неизбежное отставание в социокультурном развитии остальной части населения планеты. В определенном смысле стратегия МФД является «колониализмом наоборот», когда контролирующая нефтегазовые южные регионы монополия диктует свои условия остальному миру.

Глобализирующаяся новая двуполюсная конфигурация мира по оси «Юг — Север», изначально конфронтационная и чреватая многими новыми конфликтами, обуславливает новую форму борьбы — международный терроризм. Следует отметить, что МФД располагает значительными материальными и финансовыми ресурсами, опорными базами (одной из них до сентября 1999 г. являлась Чечня), разветвленной системой организаций, предприятий, доверенных лиц в десятках государств на всех континентах,

подготовленными кадрами террористов-«моджахедов», насчитывающих до 15 — 20 тыс. боевиков.

Причем десятки тысяч « моджахедов » прошли подготовку в специальных учебных лагерях не только по тактике совершения терактов и диверсий, но и по тактике ведения иррегулярной войны. Подпитывающая МФД и его операции международная торговля опиатами и героином также является оружием в борьбе против « греховного западного мира».

Вторжение «моджахедов» в Дагестан в августе 1999 г. явилось лишь одной из региональных операций МФД, призванной стать своеобразным «полигоном» для обкатки его тактики. Заявившая о себе в ходе ее проведения « Армия освобождения Дагестана », была намерена повторить пример « Освободительной армии Косово», ставшей в результате успешных боевых действий признанным субъектом международных отношений.

Как мы видим на примере конфронтационной конфигурации мира по оси « Юг — Север », процесс глобализации предопределяет геополитическую тенденцию разрушения национальных границ, экономик, идентификации базовых культурных ценностей, социальных групп, отдельных стран и целых народов с целью установления контроля над богатыми ресурсами регионами. Одним из способов в построении « нового мирового порядка » является международный терроризм.

В этих условиях система многостороннего сотрудничества в борьбе с международным терроризмом сложилась в основном за последние четыре десятилетия. Постепенно вырабатываются общие принципы сотрудничества в борьбе с международным терроризмом на глобальном, региональном уровнях. На глобальном уровне эта система функционирует под эгидой ООН и ее специальных учреждений (ИМО, ИКАО и МАГАТЭ). Разработано 12 основных универсальных конвенций и протоколов по борьбе с различными проявлениями терроризма. Как известно, Россия участвует в большинстве из них.

Международное сообщество разработало, как говорилось выше, основополагающие принципы сотрудничества в борьбе с терроризмом. Важнейшие среди них — неуклонно следовать общепризнанным нормам международного права, добиваться всеобщего осуждения и признания противоправности терроризма во всех его проявлениях. Отпор терроризму немыслим без претворения в жизнь принципа международного сотрудничества в борьбе с этим явлением (в том числе путем обмена информацией, принятия практических мер, оказания друг другу правовой помощи, обеспечения неотвратимости ответственности за содеянное).

Действенный импульс в этой работе придало инициированное еще в 1999 г. Россией обсуждение противодействия терроризму, несущему угрозу

международному миру и безопасности, на Совете Безопасности ООН. Принятая по его итогам резолюция 1269 признана в качестве стратегической основы для работы Совета на антитеррористическом направлении.

Новый организационный момент в борьбе с международным терроризмом — выработка параметров конкретных совместных действий в данной сфере стран «большой восьмерки». Разумеется, эти государства в силу их политического, экономического потенциала обладают немалыми возможностями для искоренения террористической угрозы.

Позитивный политико-правовой потенциал накоплен на Европейском континенте. Под эгидой Совета Европы действует Европейская конвенция о пресечении терроризма 1977 г. Россия также ее участница. Функционирует механизм совместных действий в сфере антитерроризма стран Евросоюза (в частности, в рамках так называемой « Группы Тревии »). Проблематика антитеррористического взаимодействия регламентируется соответствующими положениями итоговых документов совещаний ОБСЕ в Хельсинки, Мадриде, Вене, Стамбуле.

Конвенционное закрепление сотрудничества в борьбе с терроризмом получило в рамках Южноазиатской ассоциации регионального сотрудничества (СААРК) и Организации американских государств (ОАГ), Организации Исламская конференция (ОИК).

На пространстве СНГ сложилась система многосторонних механизмов обеспечения безопасности. Это прежде всего проявилось в подготовке, а затем и в подписании Советом глав государств СНГ 25 января 2000 Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью на период с 2000 по 2003 гг, и 21 июня 2000 г. Программы государств — участников СНГ борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма на период до 2003 г. В рамках СНГ были подписаны целый ряд документов многостороннего сотрудничества, которые так или иначе способствуют созданию договорно-правовой базы борьбы с преступностью и терроризмом.

На заседании Совета глав государств Содружества независимых государств 1 декабря 2000 г. в Минске было одобрено Положение об антитеррористическом центре (АТЦ) государств — участников СНГ. Решение о создании АТЦ подписали главы государств Азербайджанской Республики (с особым мнением), Республики Армения, Республики Беларусь, Грузии (с оговоркой), Республики Казахстан, Киргизской Республики, Республики Молдова, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан и Украины (с оговоркой).

Общее руководство работой АТЦ осуществляет Совет руководителей органов безопасности и специальных служб государств — участников СНГ. Важнейшим инструментом реализации намеченных планов в борьбе с преступностью и терроризмом является создание советов правоохранительных органов и специальных служб государств — участников СНГ. Этим структурам за последние годы удалось наладить взаимодействие по многим направлениям профессиональной деятельности, в том числе и в борьбе с международным терроризмом.

Но в процессе глобализации под воздействием « внешней среды » и лозунгами « демократизации обществ », продолжает происходить коренная трансформация и смена национальных институтов государственной власти в различных обществах. Это подтверждается событиями не только на постсоветском пространстве — в Грузии, на Украине, в Киргизии, но и в Югославии, Афганистане, Ираке. Эффективным разрушительным инструментом, способом социальных и геополитических изменений также служит международный терроризм. При этом часть государственных функций переходит на более высокий иерархический уровень к всемирным, международно-региональным организациям и транснациональным корпорациям, представляющим геополитические интересы уже постиндустриальных обществ.

Противодействие такому разрушительному процессу глобализации и его силовому инструменту — международному терроризму, сформировало новую тенденцию мирового развития — регионализацию. В достижении национальной и международной безопасности в качестве самостоятельных субъектов-акторов, стали выступать различные « регионы-государства » и региональные группировки. В мировой геоэкономической системе происходит активное формирование региональных экономических, социально-политических группировок, использующих местные этнокультурные и национальные особенности в качестве фундамента новых стратегий национальной, региональной и глобальной безопасности.

В процессе глобализации формируется новая форма регионализации — глобальная регионализация. В ее границах складывается инновационная пространственная структура национальной (российской, китайской) или наднациональной экономики с выделением « государства-региона » или группы государств в « регионе » как самостоятельного социально-экономического и политического субъекта международных отношений, обладающего собственными конкурентоспособными ресурсами и культурно-цивилизационными преимуществами, необходимыми для организации борьбы с международным терроризмом и обеспечением тем самым собственной и международной безопасности.

Существующие культурно-цивилизационные различия между РФ и КНР пока ограничивают возможности формирования универсальной модели региональной безопасности. В каждом формирующемся регионе она будет иметь свою специфику, определяемую многими факторами. Но именно региональное пространство, ресурсы и иные преимущества РФ и КНР становятся базой формирования новой по содержанию системы безопасности, предусматривающей и совместную борьбу с международным терроризмом.

Приграничные регионы России и Китая обладают достаточным набором исторических и современных факторов, что может позволить достаточно успешно решать задачи трансграничного сотрудничества [2]. Развитие трансграничного сотрудничества способствует созданию национальной и региональной системы безопасности в борьбе с международным терроризмом.

Сотрудничество в борьбе с международным терроризмом, развивающееся на двустороннем уровне — важнейшая составляющая глобальных усилий государств в данной сфере. Здесь наиболее высок уровень доверия между партнерами. Соответственно, возрастает и практическая отдача от их взаимодействия.

Деятельность международного терроризма в КНР не столь масштабная по сравнению с РФ. Но она не способствует строительству « социализма с китайской спецификой », обеспечению стабильности и безопасности китайского государства. Официальные власти в Китае постоянно подчеркивают, что КНР является объектом нападков террористов. При этом прежде всего упоминается китайская « Чечня » — Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) — малонаселенный мусульманский край на северо-западе страны. Там долгие годы ведет движение « Восточный Туркестан », которое представляет угрозу не только Китаю, но и странам Центрально-Азиатского региона, России, Эти экстремистские ячейки тесно связаны с международной террористической сетью « Аль-Каида », « Талибана » и имеют за рубежом базы по подготовке боевиков [4].

В контексте совместной борьбы с международным терроризмом, проблема сепаратизма в Китае вообще и в СУАР в частности, является важной не только для региональной безопасности, Обстановка в СУАР, представляющая угрозу стабильности и территориальной целостности, продолжает оставаться напряженной. Государства, не заинтересованные в усилении глобальных позиций КНР, считают национальный сепаратизм фактором для реализации геэкономической стратегии « разделяй и властвуй ».

Управляемая эскалация напряженности в Синьцзянской конфликтной зоне является для США-конкурента КНР в борьбе за мировое лидерство важным инструментом дестабилизации ситуации во всем Китае. При этом национальный сепаратизм используется Вашингтоном в собственных геополитических целях и сознательно провоцируется [5, 282].

Не случайно все более весомым компонентом межгосударственного взаимодействия РФ и КНР в интересах безопасности, стабильности и развития в регионе становится « Шанхайский форум ». На встрече глав государств «пятерки» в июле 2000 г, в Душанбе стороны подтвердили свою решимость совместно бороться с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и национальным сепаратизмом, представляющими, как подчеркнуто в итоговой декларации, « главную угрозу региональной безопасности, стабильности и развитию ». Они условились выработать соответствующую совместную программу и заключить необходимые многосторонние договоры и соглашения, создающие организационно-правовую базу сотрудничества в этой области. Стороны договорились организовывать с учетом развития обстановки многосторонние учения по борьбе с терроризмом, поддержали инициативу Киргизии о создании региональной антитеррористической структуры с месторасположением в Бишкеке. Такая структура создана и решает поставленные задачи.

Реализацией « шанхайского форума » стала Декларация о создании « Шанхайской организации сотрудничества » (15 июня 2001 г.), Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (15 июня 2001 г.), Хартия Шанхайской организации сотрудничества (7 июня 2002 г.), совместная Декларация РФ и КНР (2 декабря 2002 г.), совместная Декларация РФ и КНР (14 октября 2004 г.).

В совместной Декларации РФ и КНР (Пекин, 14 октября 2004 г.) говорится, что стороны выступают за укрепление глобального антитеррористического сотрудничества на платформе ООН и выработку комплексной стратегии борьбы с терроризмом. Стороны подчеркивают, что в полной мере выполнить эту задачу можно лишь под эгидой ООН, на основе международного права, в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН, а также в тесном сотрудничестве с главным координирующим центром — Контртеррористическим комитетом Совета Безопасности ООН. Стороны будут способствовать продолжению конструктивного сотрудничества Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) с указанным Комитетом в вопросах антитеррора.

Стороны полагают, что в борьбе с терроризмом не может быть « двойных стандартов ». Положить конец международному терроризму

можно только общими усилиями всех государств. Не должны уходить от ответственности ни исполнители терактов, ни их вдохновители и спонсоры, прямые или косвенные. Стороны отмечают, что питательной средой для терроризма являются бедность, отсталость, социальная несправедливость, идеология экстремизма, конфликты и войны.

Стороны подтверждают, что террористы и сепаратисты Чечни и « Восточного Туркестана » являются составной частью международного терроризма. Они должны стать объектом сов местной антитеррористической борьбы международного сообщества. Обе Стороны в этой связи готовы на двусторонней и многосторонней основе предпринимать целенаправленные и необходимые практические шаги,

В Китае с пониманием относятся и решительно поддерживают все действия, предпринимаемые Россией для восстановления конституционного порядка в Чеченской Республике, борьбы с терроризмом. Россия решительно поддерживает все меры, предпринимаемые Китаем в целях борьбы с террористами и сепаратистами « Восточного Туркестана » и устранения угрозы терроризма.

Необходимые практические шаги по совместной антитеррористической борьбе, с трансграничной преступностью, нелегальной миграцией, особенно в приграничных районах, были обсуждены во время переговоров Члена Госсовета КНР, министра общественной безопасности Чжоу Юнкяня и главой МВД России Р. Нургалиевым в Пекине 2 марта 2006 г. [6].

На наш взгляд, особую роль в совершенствовании государственного управления в области совместного противодействия международному терроризму сыграют Указ Президента России В. В. Путина « О мерах противодействия терроризму » (17 февраля 2006 г.) и образование Национального антитеррористического комитета РФ, а также Федеральный закон РФ от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ « О противодействии терроризму », принятый Государственной Думой РФ 22.02.2006 г.

Таким образом, анализ опыта международного сотрудничества России с зарубежными странами, а также практики деятельности структур КНР, занимающихся борьбой с терроризмом и религиозным экстремизмом, свидетельствует о том, что эффективность совместной работы в данной сфере зависит от ряда факторов. В первую очередь таких, как наличие политической воли руководителей соседних государств, их четкой законодательной базы, надлежащей квалификации кадров, скоординированных усилий стран, особенно в разработке превентивных мер, активного обмена информацией.

В современных условиях, к сожалению, редки примеры регионального уровня сотрудничества разведывательных органов заинтересованных стран.

Сказывается недоверие и нежелание делиться информацией, что, несомненно, подрывает эффективность совместных усилий. Для повышения эффективности совместного сотрудничества в борьбе с международным терроризмом следует обратить особое внимание на сбор и анализ разведанных, обмен информацией и оценку угрозы. Своевременное предупреждение о планируемых террористами операциях, об их вооружении, личном составе, финансовых средствах и источниках доходов, тактике, системах коммуникации и т. д. является основой превентивной антитеррористической стратегии, следование которой даст возможность в одних случаях предотвращать теракты, а в других — предавать суду террористов.

Примечания

¹ Абрамов В. А., Антонов Г. А. Международный терроризм — возрастающая угроза национальной безопасности России: Монография. — Чита, 2005. — 167 с.; Абрамов В. А., Антонов Г. А. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство: Монография. — М.: РАГС, 2005. — 528 с.

² Воскресенский А. Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. — М., 2004. — 600 [8] с.

³ Делокаров К. Глобализация как социокультурный феномен // Безопасность Евразии. — 2004. — № 1. — январь-март. — С. 324; Делягин М, Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации. — М., 2000; Губченко А. В. Глобализация и безопасность современного государства. — М., 2005; Уткин А. Геоструктура XXI века // Независимая газета. — 2000. — 1 сентября; Захаров В., Федосеев С. Глобализация и безопасность // Безопасность Евразии. — 2005. — № 3. — июль-сентябрь.

⁴ Зюзин А. Как в Китае поступают со своей «Чечней» // www.russia-today.ru/2004/no_18/18they_3.htm

⁵ Источник агентства Синьхуа — web.master@xinhua.org

⁶ Китай в диалоге цивилизаций: К 70-летию академика М. Л. Титаренко / ред. С. Л. Тихвинский. — М.: Памятники классической мысли, 2004.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПОЛИТОЛОГА

Арбатская М. Л.

Иркутский государственный университет

ГЛОБАЛЬНОЕ ПОНИЖЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МАТРИЦЫ УПРАВЛЕНИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СХЕМА УСЛОВИЙ ПУБЛИЧНОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Согласно руководству по избирательным системам и процессам Программы развития ООН (ПРООН), управление — это процесс осуществления власти¹. Демократическое управление, следовательно, — осуществление власти, основанное на участии, прозрачности и подотчетности, характеризующееся эффективностью, равноправием и созданием условий для господства права. ООН наряду с прочей деятельностью, системно организует подготовку и проведение выборов во многих странах мира.